

Моей матери Элизабет
За искреннюю веру в меня с самого первого дня

1

Сабина

— Сабина, берегись! — Низкий и грубоватый голос Жюли доносится из шахты наверху.

Я едва успеваю отойти в сторону, как она скатывается в туннель. Поток воздуха достигает свечи Бастьена, и пламя с шипением гаснет. И мы остаемся в абсолютной темноте.

— *Merde*, — ругается Бастьен.

— Расслабься, — говорит Жюли. — У Марселя в рюкзаке всегда есть огниво.

— И еще одна свеча, — добавляет Марсель.

— Великолепно, — радуется она. — Гроза сильно разбушевалась. А значит, самое время разрушить эту стену.

Мы забрались в шахты под катакомбами недалеко от Бо Пале, замка, в котором живет принц Казимир, удерживающий в плену Аилессу. Но скоро это изменится. И от этой мысли мое сердце начинает биться быстрее.

Сегодня мы спасем мою сестру.

Спустя несколько секунд кремень и сталь ударяются друг о друга. Мягкое свечение охватывает фитиль свечи, и на нем разгорается яркое пламя.

Мы с Бастьеном тянемся к свече. Союз с парнем, который любит Аилессу — и которого умудрилась полюбить она, — в лучшем случае можно назвать хрупким. А то, что его друзья помогают освободить ее из рук похитителя, не означает, что я простила их за то, что они сами держали ее в плену.

— Я сам! — объявляет Марсель.

— Подожди! — восклицает Жюли, смотря на брата широко раскрытыми глазами.

Но уже поздно. Он успевает опустить свечу к пороху.

Свист.

Огонь с яростью устремляется к бочке.

Жюли рывком поднимает Марселя на ноги, Бастьен разворачивается и бежит по туннелю подальше от взрыва, а я несусь за ним, подталкивая в спину. Аилесса никогда не простит мне его смерть. Мы мчимся вперед, пока плотная атмосфера не поглощает свет и звуки позади нас. Нервы напрягаются в ожидании взрыва. А вдруг огонь потух до того, как добрался до бочки? Я оглядываюсь через плечо.

БУМ.

Сильная ударная волна накрывает нас, и я врезаюсь в Бастьена, после чего мы падаем на землю. Секунду спустя на нас приземляются Марсель и Жюли. Туннель заполняется известняковой пылью, а по воздуху проносятся осколки камней, острые края которых царапают мне рукава. Но наконец хаос стихает и сменяется кружащимися крупными хлопьями пепла.

Несколько долгих мгновений никто не двигается. Со стороны мы, наверное, напоминаем сплетенный комок из рук, ног и голов. Но вот Марсель соскальзывает с наших тел, отчего его растрепанные волосы слегка подпрыгивают.

— Кажется, я недооценил силу взрыва.

— Я убью тебя, — стонет Жюли. Она соскальзывает на пол и принимается стряхивать пепел и пыль со своей золотистой косы. — Молись, чтобы этот грохот приняли за гром, ведь иначе не успеем и глазом моргнуть, как туннель заполнят солдаты Бо Пале.

Мы специально ждали сильной грозы, чтобы скрыть взрыв, но, как назло, она началась в новолуние. В Ночь Переправы. И если наша попытка не увенчается успехом, то мне придется самой вести *famille* по сухопутному мосту,

чтобы перевести души усопших, — священный долг каждой Леуррессы, возложенный на нас богами Загробного мира, от которых мы произошли. Вот только я не могу повести за собой *famille*. Аилесса — единственная из живых, кто знает, как исполняется на костяной флейте песня, открывающая Врата в Загробные миры. Она должна была стать *matrone*, а не я.

Я встаю с Бастьена и протягиваю ему руку, чтобы помочь подняться. Он колеблется, но затем выдыхает и обхватывает мою ладонь. Несмотря на наши пререкания, мне без него не справиться. Мы найдем Аилессу быстрее, если станем действовать сообща.

Как только он встает рядом со мной, мы смотрим на дыру, которая образовалась после взрыва и из которой льется туманный серый свет. Я делаю глубокий вдох. Спустя пятнадцать долгих дней мы наконец можем пробраться в Бо Пале.

— Все готовы? — Бастьен осторожно потирает спину в том месте, куда моя мать ударила его ножом.

Рана все еще заживает. И лишь последнюю неделю он ходит не морщась.

Жюли кивает и поправляет плащ. Я сжимаю кулаки. Марсель устраивается поудобнее. Он останется здесь на страже, и если кто-то обнаружит туннель, то Марсель подожжет небольшую взрывчатку с серой и зернами перца. Почувствовав эту вонь, мы сразу поймем, что возвращаться этим путем нельзя. А Жюли останется следить за входом в замок наверху.

Бастьен жестом указывает Жюли и мне двигаться вперед. И мы втроем направляемся к дальней части туннеля. Я первая добираюсь до стены и начинаю карабкаться по обломкам. Сквозь образовавшуюся после взрыва метровую дыру я вижу сухой колодец замка, выложенный речным камнем. Его строительство еще не завершено. Король Дюранд, отец Казимира, приказал построить его взамен колодца, расположенного за пределами замка.

Пока Бастьен и Жюли выискивали любую информацию о Бо Пале в Довре, мне пришлось проводить большую часть своего времени в Шато Кре с *famille*.

Леурресс потрясло известие о смерти Одивы. Я не стала вдаваться в подробности, а лишь рассказала, что наша *matrone* погибла, пока переправляла с Аилессой души по древнему мосту в подземной пещере. Ведь если бы они узнали, что Одива прошла через Врата Подземного мира, чтобы воссоединиться со своим возлюбленным — моим отцом, которого боги не выбирали на роль ее *amouré*, — это вызвало бы множество проблем. Как только Аилесса вернется и по праву займет место *matrone*, она сама решит, что рассказывать о нашей матери. Я же с радостью готова оставаться в ее тени.

Я прыгаю на противоположную сторону колодца, где хватаюсь за железную перекладину, а затем начинаю взбираться по лестнице, оставленной копателями колодца. Сегодня их нет в замке. Во время проведения Ла Льезон работают лишь артисты и те, кто готовит еду для проведения трехдневного фестиваля.

Мы надеялись пробраться в замок через главные ворота, но король Дюранд не устраивает общественных гуляний. Говорят, он сильно болен. Вот только он болеет уже давно, а ворота замка закрыли лишь тогда, как принц Казимир привез сюда Аилессу.

Жюли запрыгивает на лестницу вслед за мной. Мне остается лишь позавидовать ей из-за кожаных легинсов, прикрывающих ее ноги. Потому что постоянно задеваю туфлями подол своего синего платья.

Бастьен вылезает последним, и мы втроем взбираемся вверх по восемнадцатиметровой лестнице. Сам колодец закрыт железной решеткой, которую приходится сдвигать в сторону, отчего воздух пронзает громкий скрежет. Но его заглушает очередной раскат грома. Хорошо хоть, нас не заливают дождем, потому что мы находимся в узкой башне, где решили вырыть замковый колодец.

Я подкрадываюсь к двери и заглядываю в маленькое окошко в верхней части. Большая часть двора скрывается за стеной проливного дождя — даже кость благодати от козодоя не помогает, — но зато удастся разглядеть синие-золотые полосатые навесы, растянутые по периметру. Под ними перемещаются слуги, стараясь как можно быстрее добраться до другой половины двора. Один из навесов растянут над арочным проходом, ведущим внутрь замка, — вход, которым мы планируем воспользоваться.

Бастьен снимает пыльный плащ и бросает его Жюли. Под ним скрывалась простая одежда солдата, охраняющего темницы замка. Я тоже сбрасываю плащ и заправляю несколько выбившихся прядей под чепчик служанки. Прячу ожерелье с костями благодати, чтобы его никто не разглядел в вырезе строгого платья, которое для меня украл Бастьен. А под передник прикрепляю костяной нож в ножнах.

Бастьен поворачивается к Жюли:

— Скоро увидимся.

— Постарайся не терять голову, хорошо? — Она сидит на краю колодца, все еще тяжело дыша после подъема. — Если не получится вытащить ее сегодня, не геройствуй. Мы придумаем что-нибудь еще. У нас есть в запасе десять с половиной месяцев, прежде чем...

— Все получится. — Он слегка стискивает челюсти. — Пошли, Сабина.

И не давая Жюли сказать что-то еще, Бастьен выскальзывает через двери.

Я быстро следую за ним. Мне тоже не хочется обсуждать магию, связывающую души Аилессы и Казимира, которая, как считал Бастьен, соединяла его с ней. Пока мы не узнали правду. Теперь Аилесса должна убить Казимира в течение года, начиная с момента, как боги переплели их судьбы, или она умрет вместе с ним. И я позабочусь о том, чтобы это произошло до того, как мы покинем замок. Вручу ей костяной нож и уговорю спасти свою жизнь.

Мы с Бастьеном шагаем под дождем к арочному проходу, ориентируясь на карту Бо Пале, которую он нарисовал после разговора с уволенным слугой замка. «После трех кружек эля мужчина выложил мне все как на духу», — рассказывал мне Бастьен.

Оказавшись внутри, мы стряхиваем с себя капли и осматриваем фойе с каменными стенами, которое слева направо пересекает длинный коридор. А прямо находится большой зал. Вокруг снуют слуги, расставляя золотые блюда и кубки на нескольких столах. Гирлянды из ярких цветов позднего лета обвивают высокие колонны, которые поддерживают сводчатый потолок. Синие знамена с вышитым золотистой нитью солнцем — знак Довра, выбранный, чтобы почтить бога солнца Белина, — висят рядом с зелеными знаменами, на которых изображено дерево, символ богини земли Гаэль. Говорят, Ла Лъезон проводят, чтобы задобрить двух богинь перед сбором урожая.

Мы с Бастьеном обмениваемся быстрыми взглядами и киваем друг другу, а затем расходимся в разные стороны. Он уходит налево, а я направляюсь направо. Ему необходимо добраться до темницы, я же спешу к лестнице на третий уровень. Вдруг Аилессу заперли в одной из комнат королевских покоев наверху.

Но едва я успеваю сделать несколько шагов, как в полтора метра от меня из-за колонны большого зала выходит красивый парень со светлыми волосами. Мое тело напрягается, а кровь в венах холодеет, после чего вдруг начинает кипеть.

Принц Казимир.

Сегодня он надел облегающие бриджи, свободную льняную рубашку и бордовый камзол. А середину лба пересекает тонкая золотая полоска короны.

Он еще не заметил меня, но я не могу заставить себя пошевелиться. Образы произошедшего в последнее полнолуние всплывают в голове: как Казимир забирает кости благодати Аилессы и подхватывает ее на руки; как Аилес-

са сопротивляется ему, несмотря на капающую с раненой ноги кровь; как я сражаюсь с солдатами принца, чтобы добраться до нее; как Бастьен беспомощно лежит на мосту, истекая кровью от ножевого ранения.

— Можете добавить еще полевых цветов? — спрашивает Казимир у служанки, пока рассматривает гирлянду, обвивающую одну из колонн. — Аилесса их обожает.

— Конечно, Ваше Высочество.

— Хочу, чтобы ее сегодняшняя встреча с моим отцом прошла идеально.

Я тут же цепляюсь за его слова: «Цветы для Аилессы? Встреча с королем?» Я бросаю взгляд на Бастьена. Он укрылся за деревом в горшке, стоящем в углу между большим залом и прилегающим к нему коридором. Судя по его нахмуренным бровям, он в таком же недоумении от услышанного, как и я. Как Аилесса сможет присутствовать на ужине с отцом Казимира? Разве ее не держат взаперти?

— Все исполним, Ваше Высочество. — Служанка кланяется, и Казимир начинает поворачиваться в мою сторону. Я тут же разворачиваюсь и подхожу к ближайшему столу, делая вид, что поправляю тарелки. Хотя у меня безумно чешутся руки схватиться за костяной нож. С какой бы радостью я это сделала прямо сейчас. Но тогда умрет и Аилесса. Их жизни сплетены воедино. И именно она должна взять в руки ритуальный клинок и убить своего *amoué*.

До меня доносятся шаги принца, медленно приближающегося ко мне. И от этого пульс стучит все быстрее. Опустив голову, я возношу молитву богине Ночных Небес: «Элара! Не дай ему узнать меня».

— Прости, но ты новенькая?

Я напрягаюсь, продолжая стоять к нему спиной.

— Да, — пишу я.

— Как тебя зовут?

Я могла бы убежать. Обладая скоростью козодоя, я могла бы добраться до третьего этажа так быстро, что у Казимира не осталось бы и шанса меня поймать. Знать

бы только, в какой из комнат находится Аилесса. Ведь пока я буду ее искать, он успеет поднять по тревоге весь замок.

— Жинетт, — бормочу я, делая вид, что стесняюсь.

— Жинетт, я твой принц и будущий король. — Голос Казимира наполнен теплом и очарованием, вскружившим мне голову в нашу первую встречу.

Как сестра Аилессы я провела обряд, чтобы призвать и убить *amouré* Аилессы, ожидая, что появится Бастьен. Но вместо него пришел Казимир, и на несколько чудесных и ужасных мгновений я решила, что он мой *amouré*.

— Не бойся меня, — говорит он. — Я отношусь к своим слугам с уважением.

Я не смогла удержаться от насмешки:

— А как ты обращаешься со своими пленниками?

Нет никакого смысла притворяться и дальше. Не имеет значения, убегу ли я или встречу с ним сейчас, он все равно меня обнаружит.

— Ты не завоюешь Аилессу цветами, золотом и притворным уважением. Она всегда будет видеть в тебе лишь похитителя.

Он тихо вздыхает, но это не укрылось от меня благодаря слуху шакала.

— Сабина? — спрашивает Казимир.

Вздернув подбородок, я поворачиваюсь к нему лицом. Казимир смотрит на меня широко раскрытыми серо-голубыми глазами. И мне приходится приложить усилия, чтобы сохранить вызов в своем пылающем взгляде. В его сдержанности скрывается мудрость, понимание и сила. Так что приходится напомнить себе, что именно он украл мою сестру.

— Где ты держишь Аилессу? — требовательно спрашиваю я.

А затем вытаскиваю свое ожерелье и опускаю косточки благодати на лиф платья. Три кости благодати висят рядом друг с другом — череп огненной саламандры, подвеска

в виде полумесяца, вырезанная из бедренной кости редко-го золотого шакала, а еще лапа с когтем козодоя.

Два гвардейца, стоявшие у стены, делают шаг вперед, но Казимир поднимает руку, чтобы остановить их. Может, он и не понимает, кто перед ним — и кто Аилесса, — но знает, что кости даруют силу.

— Аилесса не пленница. Я пригласил ее погостить в замке, и она согласилась.

Вранье! Аилесса никогда бы так не поступила.

— Тогда скажи ей, что я бы хотела с ней встретиться.

— Ты же знаешь, что я не могу допустить этого. — В его голосе столько спокойствия, что это просто бесит. — Ты пыталась убить меня, Сабина. Тебе не рады в замке.

Злость золотого шакала накрывает меня. И я выхватываю костяной нож, спрятанный под фартуком. Казимир мгновенно достает украшенный драгоценными камнями кинжал. А через секунду наши клинки одновременно прижимаются к горлу друг друга. Острие его кинжала прижимается к сухожилию на моей шее.

— Как изменится отношение Аилессы к тебе, когда она узнает, что ты убил ее сестру?

— Так же, как изменится ее отношение к тебе, если ты...

Громкий крик пронзает уши, заглушая остальные слова, а в его зрачках появляется маленький силуэт. Птица с белой мордой в форме сердца.

И пока я смотрю на Казимира, птица почему-то становится все больше. Я ахаю. Это видение. И я вижу серебряную сову — птицу богини Элары. Она не появлялась перед мной ни в физической, ни в прозрачной форме с той ночи, когда Казимир похитил Аилессу. Никто из Леурресс не рассказывал о подобных видениях, но серебряная сова уже дважды показывалась мне. И оба раза это оказывалось связано с моей сестрой.

Достигнув своего реального размера и расправив крылья, сова висит перед Казимиром. Он не видит птицу,